

М. И. Крупянко, Л. Арешидзе

Японский национализм и его влияние на безопасность России на Дальнем Востоке

Подъем националистических настроений в японском обществе в начале XXI в. существенно облегчал властям страны решение, как минимум, трех задач: во-первых, он способствовал формированию более благоприятных условий для радикализации внешнеполитического поведения Японии на международной арене; во-вторых, он упрощал решение задач по воспитанию патриотического самосознания у новых поколений японской молодежи и, наконец, в-третьих, он развязывал японским властям руки в процессе реализации ими политики эскалации территориальных притязаний к России на Дальнем Востоке с неизбежным втягиванием нашей страны в гонку вооружений в регионе.

Радикализация внешнеполитического поведения Японии в начале XXI в. на фоне активного раскручивания спирали национализма в обществе выражалась в постепенном отходе ее правящих кругов от философии пацифизма всех послевоенных десятилетий и переходе к активной, наступательной дипломатии на международной арене после «холодной войны». При этом очевидно, что такой разворот был бы невозможен без заранее подготовленного к этому и основательно обработанного идеологией государственного национализма массового сознания японцев, которые на протяжении более полувека во второй половине XX столетия воспринимали внешнюю политику страны исключительно через призму мирных статей Конституции 1947 г., обязательств властей соблюдать 3 неядерных принципа, неучастия японской армии в вооруженных конфликтах за рубежом. Однако сегодня Токио официально решает вопрос о пересмотре «трех принципов отказа от экспорта вооружений», «трех неядерных принципов» (не иметь, не производить и не ввозить ядерное оружие), а также официально признает право на коллективную самооборону, что может пригодиться Японии при проведении японо-американских совместных операций, например при возвращении российских Южно-Курильских островов под японскую юрисдикцию.

Подъем национализма в японском обществе кардинально изменил восприятие японцами новых международных реалий и уже не является для властей препятствием в проведении ими более радикального внешнеполитического курса. В обществе практически прошло незамеченным, т. е. без массо-

вых общественных протестов и критики, принятие в декабре 2010 г. властями страны новой программы национальной обороны. Она предусматривает переход Японии от «базисной оборонной концепции», принятой правительством еще в 1976 г. и предусматривавшей размещение в стране минимально необходимого контингента Сил самообороны и вооружений, к «динамичной оборонной концепции», позволяющей оперативно реагировать на угрозы со стороны Китая, КНДР и России путем наращивания потенциала сдерживания, последовательного и активного проведения разведки в условиях видоизменяющихся вызовов и угроз, а главное — путем укрепления сотрудничества с вооруженными силами США и подключения американского воздушно-морского потенциала в интересах укрепления национальной обороноспособности на вышеназванных направлениях¹.

О реальных последствиях национализма на изменение философии внешнеполитического поведения Японии в направлении от пацифизма к повышению уровня его наступательности свидетельствует ряд конкретных фактов. Так, 18 декабря 2001 г. в Южно-Китайском море произошел весьма показательный инцидент, свидетельствовавший о радикализации ее внешней политики и отходе от послевоенного пацифизма в массовом сознании японцев. Впервые после капитуляции во Второй мировой войне японским ВМС был отдан приказ открыть огонь на поражение (потопление) иностранного судна, вторгшегося в территориальные воды Японии. Приказ был успешно выполнен — иностранное судно затонуло, а его экипаж погиб². Такое поведение японских военных было немыслимо себе представить даже в 1990 гг., так как это вызвало бы протесты широкой японской общественности. На этот раз японская общественность не только не выступила с резким осуждением действий военных моряков, не протестовала против применения ими силы, но, по сути,

¹ По сообщениям газеты «Майнити», в январе 2011 г. впервые после окончания Второй мировой войны в Японии был сформирован новый разведывательный орган по аналогии с ЦРУ США и английской МИ-6 для проведения специальных операций по сбору секретной военной информации на российском, китайском и северокорейском направлениях. Майнити симбун, 21.02.2011.

² Асахи симбун, 20.12.2001

поддержала радикальные меры по защите национальных интересов от «внешней угрозы», источник которой даже не был идентифицирован. Такая реакция японцев стала возможной только в условиях подъема националистической волны в японском обществе.

Распространяя идеологию государственного национализма в обществе, японские власти эффективно обыгрывают виртуальные угрозы национальной безопасности, якобы исходящие от Северной Кореи. В октябре 2002 г. власти КНДР официально объявили о программе производства ядерного оружия и о наличии в распоряжении ее армии нескольких ядерных зарядов³. Уже в середине февраля 2003 г. бывший министр национальной обороны Японии Сигэру Исиба поспешил сделать официальное предупреждение руководству КНДР о том, что «Япония готова нанести серию превентивных ударов по территории Северной Кореи в случае необходимости». Такое заявление японской стороны было повторено 15 сентября 2003 г. в Лондоне. Тогда министр обороны Японии особо подчеркивал, что конституция страны позволяет наносить превентивные удары по территории потенциального противника в целях обороны, ибо «Токио не может допустить, чтобы северокорейские ракеты первыми достигли японской территории»⁴. 4) Японские СМИ и ряд видных членов кабинета министров также подтвердили тогда тезис о том, что Япония будет защищать себя всеми доступными ей средствами, не исключая применение ядерного оружия, и работать на «опережение» потенциального противника⁵.

В период «холодной войны» подобного рода высказывания могли позволить себе лишь представители ультраправых националистических организаций, однако после ее окончания наступательная риторика властей хорошо вписывается в контекст подъема националистических настроений в японском обществе. И если внимание лидеров США после их победы в «холодной войне» оказалось сосредоточенным на «борьбе с международным терроризмом», позволившей им легализовать в глазах мирового сообщества свои действия по силовому отстранению от власти неугодных режимов в Ираке, Афганистане, Югославии, Ливии, Сирии, Йемене и т. д., то лидеры Японии в это время, как бы незаметно от мировой общественности, концентрировали усилия на возрождении идеологии японского национализма, на раскручивании в стране новой националистической волны, преследуя при этом цель — оправдать в глазах японцев ускоренную милитаризацию и превращение страны в сильное государство, обладающее в том числе и ядерным потенциалом. Очевидно, однако, что столь радикальные изменения внешнеполитической идеологии японс-

кого руководства не могут не оказывать дестабилизирующее влияние на ситуацию в Восточной Азии, не могут не нарушать сложившийся в регионе стратегический баланс сил.

Националистический фон в обществе благоприятствует правящим кругам Японии ускоренными темпами реализовывать программы модернизации вооружений. Только в 2004 г. расходы на строительство новых систем ПРО страны составили 1,2 млрд. долл., что в 9 раз превышало расходы на те же цели за весь период 1999–2003 гг. Ограничения, наложенные на процесс милитаризации Статьей 9-й конституции 1947 г., активно размываются. Этот процесс начался еще в 1987 г., когда впервые после 1970 г. военный бюджет страны превысил уровень 1% ВВП, долгое время формально ограничивавший уровень военных расходов (в 1955 г. удельный вес военных расходов в ВВП составлял 1,78%, в 1960 г. — 1,23%, в 1965 г. — 1,07%). С тех пор японские законодатели предпринимали различные попытки для того, чтобы обходить добровольно принятые ограничения на военные приготовления в стране. Сразу после своего избрания в апреле 2001 г. на пост премьер-министра Японии Койдзуми сформировал специальную законодательную комиссию по вопросам пересмотра Конституции, будучи заинтересованным в переоценке положений, касающихся использования военной силы. Одновременно особое внимание он лично уделял обработке общественного мнения в сторону разворота от пацифизма к необходимости укрепления национальной обороноспособности. В результате большинство японцев сегодня разделяют политику властей по созданию в Японии полноценной современной армии: если еще в 2000 г. 41% японцев выступали в поддержку изменения статьи 9-й Конституции, то только за один 2001 г. в условиях активной пропаганды, развернутой новым премьер-министром, эта доля увеличилась до 47%⁶. Спустя 10 лет она составляет уже более половины всего населения страны.

На фоне искусственного нагнетания страха перед внешней опасностью и охвата националистической идеологией самых разных слоев японского общества ускоренные военные приготовления властей уже не рассматривались японцами как вопиющее нарушение статьи 9-й Конституции 1947 г. В конце 2002 г. Синго Нисимура, видный представитель правого крыла правящей ЛДП, официально заявлял, что «лидер КНДР Ким Чен Ир ведет себя как Гитлер, а японское правительство пытается его умиротворить, действуя как английское правительство Невилла Чемберлена в конце 1930 годов, когда оно проводило политику умиротворения фашистских держав и подписало в итоге Мюнхенское соглашение 1938 года»⁷. Английская газета «Таймс» от 22 февраля 2003 г. писала, что Нисимура рассматривался

³ Йомиури симбун, 23.10.2002.

⁴ Асахи симбун. 16.09.2003.

⁵ Foreign Affairs, November/December 2003, с. 75.

⁶ Foreign Affairs, vol. 82, No.6, November/December 2003, с. 76

⁷ Асахи симбун, 20.12.2002.

на Западе как одиозная личность среди японских политиков, а все его рассуждения на тему о ядерном вооружении Японии ранее объявлялись вне закона. Однако сегодня этот вопрос официально поднимается многими политиками, представителями академических кругов и высшими чиновниками⁸.

И что самое показательное — японский избиратель сегодня в основном поддерживает националистические высказывания японских политиков. Характерным в этом отношении является возросшая популярность мэра Токио Исихара Синтаро, известного своими патриотическими взглядами. Она росла настолько быстро (особенно после выхода в свет в начале 1990 гг. книги «Япония, которая может сказать нет»), что руководство ЛДП посчитало возможным поддержать его на апрельских выборах 2003 г. на пост мэра Токио, хотя баллотировался он как независимый кандидат. Исихара набрал тогда более 70% голосов избирателей, что было рекордным показателем для кандидатов, поддержанных ЛДП. А уже в сентябре 2003 г. премьер-министр Койдзуми призвал общественность открыть дебаты по внесению поправок в статью 9-ю Конституции Японии об «отказе от войны».

Радикализация внешней политики Японии на фоне растущего национализма в обществе не остается незамеченной в странах Европы и в США. Летом 2002 г. руководство международной организации «Гринпис» (Greenpeace International), а также ее европейского отделения (Greenpeace European Unit) призвало страны Евросоюза разорвать все двусторонние торговые соглашения с Японией в ответ на проведение ее курса на превращение в ядерную державу. Обоснованность своей тревоги «Гринпис» основывал на данных о быстроувеличивающихся запасах оружейного плутония в стране. По данным «Гринпис», Япония уже накопила 38 тонн радиоактивных материалов и была намерена к 2020 г. нарастить их в объеме 145 тонн. Принимая во внимание, что для создания одного ядерного заряда необходимо всего 5 кг, к 2020 г. Япония будет способна произвести 30 тыс. ядерных боеголовок. Одновременно руководство «Гринпис» выражало тревогу за то, что Япония сделала большие успехи в освоении космического пространства в военных целях, работая ускоренными темпами над военными космическими программами. Все это, по мнению организации, означает, что Япония в скором времени сможет претендовать на статус державы, обладающей современным ядерным оружием и средствами его доставки в космос⁹.

Разумеется, необходимость активного раскручивания националистической пропаганды в японском обществе не обусловлена исключительно необходимостью облегчить властям условия для кардинального изменения вектора внешнеполитического по-

ведения Японии в мире в целом и в регионе в частности. Глубоко пропитавший все поры массового общественного сознания национализм необходим властям Японии и по внутриполитическим соображениям. Консолидировать общественное сознание для поддержки политики правящих кругов нужно и для решения сложнейших задач внутреннего развития начала XXI в. Послевоенные поколения японцев формировались в период, когда экономические и технологические успехи Японии составляли законную гордость нации. Эти поколения выросли с твердым убеждением, что Япония станет лидером в Восточной Азии, во всяком случае — будет первой экономической державой в регионе. Однако на протяжении последних 15–20 лет японцы стали свидетелями прямо противоположных тенденций — экономика Японии длительное время пребывает в состоянии стагнации, а экономическое влияние страны не только на глобальном, но и на региональном уровне заметно снижается. Мировой финансовый кризис 2008 г., небывалый рост цен на энергоносители, которые Япония вынуждена импортировать, а также разрушительное землетрясение, цунами и события вокруг АЭС в Фукусима в марте — апреле 2011 г. — все это только усугубило и без того нерадужное экономическое положение Японии в мире и в регионе, спровоцировало рост пессимистических настроений среди многих японцев.

Действительно, авторитет и влияние Японии в мире ослабевали по мере сокращения ее экономического потенциала. В начале 2011 г. правительство Японии официально признало, что страна больше не является второй экономикой мира, а по итогам 2010 г. окончательно стало ясно, что Китай обошел Японию по производству ВВП и теперь он, а не Япония, занимает второе место в мире после США по экономическому развитию¹⁰.

Стабильное отставание Японии по экономическим показателям в начале XXI в. оказало глубокий психологический эффект на подавляющее большинство японского среднего класса, сильно травмировало национальное самосознание. Многие поколения японцев, которые восстанавливали японскую экономику после поражения страны во Второй мировой войне, были уверены, что их дети и внуки будут жить в одной из самых процветающих экономик мира. Однако в начале XXI в. они столкнулись с ситуацией, при которой их дети будут иметь существенно более низкие жизненные стандарты, чем имели они сами в послевоенные десятилетия. Индекс деловой активности Японии — Никкэй — в начале XXI в. имел самые низкие показатели, упав ниже опасной пороговой отметки в 8000 пунктов. Уровень безработицы поддерживается на недопустимо высоком для Японии уровне в 5–6%, практически сравнявшись с первыми послевоенными годами. И этот

⁸ Times, 22.02.2003.

⁹ www.boell.ru/downloads/nuclear_myth2.pdf.

¹⁰ http://www.mignews.com/news/economics/world/140211_102909_31705.html

показатель продолжает расти из года в год. Японцы уже потеряли надежду на то, что власти страны смогут исправить экономическое положение и стабилизировать его. Правительство опасается любых реформ в экономике, так как считает, что они могут еще больше обострить ситуацию. Власти справедливо полагают, что без сплочения нации на основе реанимации националистической идеологии им будет крайне сложно обеспечить Японии выживание к середине XXI в.

Негативный психологический эффект от смещения Японии вниз по экономическому рейтингу усиливается на фоне динамичного развития соседнего Китая, помешать которому Япония не в состоянии. В 2010 г. Китай не только потеснил Японию в мировой экономике, но и стал лидером на региональном уровне. Темпы роста экономики КНР составляют в 2010–2011 гг. 8–10% в год и являются самыми высокими в мире. Страны Восточной и Юго-Восточной Азии, которые построили свои экономики с опорой на помощь Японии, сегодня все больше обращают свои взоры на Китай, в лице которого они видят своего самого важного и надежного торгового и экономического партнера. Даже Япония осознает важность инвестирования в экономику КНР. Среди наиболее крупных японских инвесторов в экономику Китая можно выделить такие мощные корпорации, как NEC и «Хонда». В Китай вкладывают и многие крупные американские и европейские промышленные и электротехнические корпорации.

Весьма распространенное среди японцев сегодня чувство обиды за свою страну, усиленное напряженностью в двусторонних отношениях с Китаем в стратегической области, подталкивает японских националистов к твердому убеждению в том, что только сильная в военном отношении и консолидированная идеологически Япония может заставить считаться со своими интересами соседей по региону. Унижение, которое испытывают японцы в связи с нерешенностью в свою пользу спорных территориальных проблем, будь то с Китаем из-за островов Сэнкаку или с РФ — из-за Южно-Курильских островов, только добавляют решимость националистическим кругам добиваться в итоге выгодного решения.

При этом японские националисты искренне недоумевают, что заставляет японский бизнес, который сам находится в состоянии экономического кризиса, продолжать вывозить в Китай не только прямые и портфельные инвестиции, но также технологию, предоставлять кредиты и т. п. И это притом, что Китай ежегодно наращивает расходы на военные нужды: только в 2011 г. военный бюджет Китая был запланирован на уровне 601,1 млрд. юаней (91,35 млрд. долл.), то есть прирост составил по сравнению с 2010 г. 12,9%¹¹. Японские националисты не одобряют такую инвестиционную политику, которая наносит ущерб национальным интере-

сам страны. Нельзя же закрывать глаза на то, например, что на протяжении последних лет со стороны НОАК наблюдается повышенная активность в акватории спорных с Японией островов Сэнкаку, которую японские военные специалисты воспринимают исключительно как проведение подготовительных работ по минированию акватории омывающих эти острова вод Тихого океана. Как не раз заявлял Исихара Синтаро, Япония вкладывает средства в развитие военной промышленности КНР, которая продолжает наращивать силовой потенциал на японском направлении и совершенствует ядерное оружие¹².

Японские националисты требуют от правительства скорректировать внешнюю политику и на американском направлении. На протяжении всего периода «холодной войны» США выступали как гарант безопасности Японии в Восточной Азии. Однако после ее окончания японцы впервые почувствовали, что интересы Америки и Японии в вопросах безопасности расходятся, что новая внешняя политика США в мире далеко не всегда отвечает интересам безопасности самой Японии, не поддерживает стабильность на глобальном и региональном уровне в зоне стратегических интересов самой Японии. Например, согласно проведенным летом 2003 г. опросам общественного мнения в Японии, более 60% респондентов считали, что война США в Ираке была несправедливой¹³. После событий 11 сентября 2001 г. многие японцы стали сомневаться в том, что Америка столь уж неуязвима с точки зрения своей безопасности. Атаки террористов по территории США только укрепили решимость японских националистов настойчиво требовать от властей ускорения решения вопроса о пересмотре статьи 9-й Конституции и укрепления собственной безопасности, вне зависимости от союза с США.

Кроме того, многие японские националисты выступают за ликвидацию американских военных баз на Окинаве. Митинги протеста по этому поводу собирают более 100 тыс. человек. В них принимают участие главы всех административных единиц префектуры во главе с губернатором острова. На очередном митинге 25 апреля 2010 г. губернатор Окинавы Хирокадзу Накаима прямо заявил, что «тяжелейший груз от военных баз США в масштабах всей Японии выглядит не иначе, как неравенство, если не сказать дискриминация по отношению к Японии». Участники митинга выразили тогда свое недовольство правительству Японии за нерешительную политику в вопросе ликвидации военных баз США и затягивание выполнения предвыборных обещаний на этот счет¹⁴. Еще в 2007 г. между США и Японией было достигнуто соглашение о переносе американской базы Футэмма на Окинаве в район города Наго в той же префектуре. В своем предвыбор-

¹² Foreign Affairs, vol.82, No.6, November/December 2003, p. 81.

¹³ Асахи симбун, 15.07.2003.

¹⁴ <http://www.vesti.ru/doc.html?id=355422>.

¹¹ www.finmarket.ru/z/nws/news.asp?id=1959208.

ном манифесте Демократическая партия, победившая на выборах в августе 2009 г. и сформировавшая правительство Юкио Хатоямы, обещала пересмотреть соглашение, учитывая протесты местного населения. Жители требовали перенести базы с Окинавы, где их сконцентрировано более 70% от всего числа американских военных баз на территории Японии. Речь тогда шла о переносе базы за пределы страны или, как минимум, за пределы префектуры. Однако решение пересмотреть японо-американское соглашение по размещению баз вызвало тогда резкую реакцию со стороны США. Хатояма обещал обнародовать окончательный план перевода базы к концу мая 2010 г., но ни один из районов страны, которые назывались в качестве возможных мест размещения базы, был не готов даже обсуждать этот вопрос из-за протестов населения. В середине апреля 2010 г., после митинга на острове Токуносима против планов размещения там американской базы, все три представителя местных административных районов отказались от переговоров об этом с представителем правительства. Нерешительность властей в этом вопросе только подогревает националистические настроения в японском обществе и работает на укрепление национального самосознания.

Японские националисты убеждены, что без сильной современной армии Япония обречена на пребывание в стратегической зависимости от США. Сохраняющаяся напряженность ситуации в Восточной Азии, в зоне стратегических интересов Японии, укрепляет позиции японских националистов в том, что статья 9-я Конституции страны должна быть в короткие сроки пересмотрена. Сомнения в надежности США как стратегического партнера Японии прибавляют уверенности тем националистическим политическим силам в Японии, которые выступают в поддержку скорого превращения страны в ядерную державу. Официальные представители США в начале 2003 г. осторожно намекали китайскому руководству о том, что если Пекин не окажет давления на северокорейское руководство и не побудит его отказаться от продолжения работы в рамках ракетных и ядерных программ, то Япония будет вынуждена приступить к производству ядерного оружия. Такая увязка событий сыграла на руку японским националистам, и, по всей вероятности, в будущем будет крайне сложно, если не невозможно, загнать их назад в бутылку японского «ядерного джинна».

Поворот в настроениях националистически настроенной части правящего истеблишмента Японии в пользу радикализации внешней политики и ремилитаризации страны имеет еще один психологический аспект. На протяжении 1980-х и начала 1990 гг. Япония имела самый высокий уровень зарубежных инвестиций в мире. Она инвестировала в экономики азиатских стран, делала большие вложения в бюджет ООН, во Всемирный банк, в Азиатский банк развития. Однако парадоксальным образом Японии никогда не удавалось трансформировать

эти огромные вложения финансовых ресурсов в усиление своего политического влияния в мире с тем, чтобы требовать от стран, заемщиков японского капитала, подчинения ее интересам, выполнения ее требований т. п. Япония работала как бы вхолостую на международной арене, и то, что в японском обществе по праву воспринималось как гордость за экономические и технические достижения нации, другие страны воспринимали Японию с определенным чувством безразличия, по сути, игнорировали ее место и политическую роль в системе международных отношений. Так, например, Японию до сих пор не приняли в постоянные члены СБ ООН, граждан Японии ни разу не назначался на должность председателя Всемирного банка, равно как и Международного валютного фонда. Единственным представителем Японии во влиятельной международной организации — ООН — была Садако Огата, которая была назначена на должность Верховного комиссара ООН по беженцам в 1991 г., спустя годы лоббирования Японией этой должности в руководстве ООН. Кроме этого, 1 декабря 2009 г. Генеральным директором МАГАТЭ был назначен японец Юкия Аmano.

Отсутствие международного признания Японии в качестве полноценного и полноправного члена клуба великих мировых держав воспринимается японцами как в высшей мере несправедливый факт, оскорбляющий национальное достоинство. Японские националисты видят главную причину сложившегося положения дел только в одном — Япония все еще не имеет мощного силового потенциала и современной армии, с которой считались бы в мире. Наличие такой армии в сочетании с активной и независимой от США внешней политикой, по мнению японских националистов, было бы способно вернуть стране уважение и международный авторитет, который она по праву заслужила.

Японские националисты убеждены, что без сильной экономики и сильной современной армии Япония не восстановит свои лидирующие позиции в системе международных отношений, которые она хотела бы иметь. Правда, праворадикальное крыло националистов идет еще дальше и считает, что для этого в первую очередь необходимо развивать не только гражданскую экономику, но и восстановить в полном объеме отрасли ВПК, как это было в 1930 гг., когда с мнением Японии считались многие великие мировые державы. Поэтому сегодня японские националисты выступают решающей политической силой, которая поддерживает столь непопулярные в обществе и болезненные структурные реформы, имеющие своим следствием рост безработицы, отказ от системы пожизненного найма, экономическую стагнацию. Поэтому многие националистически настроенные представители крупного капитала особенно рьяно поддерживают американский стиль управления экономикой, радикально отличающийся от традиционного патерналистского стиля японских корпораций. Они убеждены,

что старая патерналистская экономическая система более не работает и что ее сохранение угрожает выживанию нации как великой державы. С их точки зрения, структурные реформы в экономике обеспечат Японии прочный фундамент на долгие годы вперед в XXI в. и что без радикальных преобразований в экономике она обречена на упадок и на скатывание в третьеразрядные страны.

Сегодня многие японские националисты выступают против государственного регулирования и вмешательства государства в бизнес, против сильного контроля за деятельностью крупных национальных корпораций. Они считают, что в таких современных высокотехнологических областях, как телекоммуникации, например, государственный контроль сдерживает технический прогресс в производстве новых видов продукции, ставит японских производителей в менее выгодные позиции на мировом рынке, хотя в прошлом японские фирмы в этом секторе промышленности были лидерами. Националисты убеждены, что экономический успех может быть гарантирован только на путях усиления международной и внутренней конкурентной борьбы.

Парадоксально, но националисты способствуют тому, чтобы японское правительство как можно больше привлекало бы иностранных рабочих на японские предприятия для того, чтобы те вытесняли стареющую японскую рабочую силу. По оценкам министерства здравоохранения, труда и благосостояния, к 2020 г. лица старше 65 лет в Японии составят 26% всей численности населения, а в 2050 г. эта доля повысится до 36%. И если на уровне 2010 г. на 1 японского пенсионера приходилось 4 активно работающих японца, то в 2050 г. будет приходиться 1,5 работника, что, по сути, приведет нацию к экономическому краху. Японские неонационалисты настаивают на увеличении притока мигрантов для компенсации стареющего населения страны. Исихара открыто призывает все больше приглашать иностранных рабочих в Японию, независимо от того, как японцы относятся к мигрантам, так как это необходимо Японии для ее экономического выживания¹⁵.

Процесс радикализации японской внешней и внутренней политики под влиянием требований националистических сил в Японии развивается быстрыми темпами. В ближайшие годы статья 9-я Конституции 1947 г. неминуемо будет пересмотрена, и ограничения на милитаризацию Японии будут сняты. Япония наконец создаст полноценную современную армию (а не силы самообороны), обладающую не только потенциалом обороны, но главное — потенциалом наступления. При этом важно подчеркнуть, что, как это уже не раз бывало в японской истории, процесс милитаризации будет развиваться параллельно с ростом националистических настро-

ений¹⁶. Правда, если верить профессору юриспруденции Токийского университета Сигэити Китаока, в Японии хотя и начался процесс ремилитаризации, однако мало кто из действующих политиков хотел бы при этом выходить за существующие конституционные рамки¹⁷. Однако даже конституционные ограничения могут быть легко демонтированы, если угроза национальной безопасности станет реальной, например, в случае официального заявления руководства КНДР о наличии в стране ядерного оружия и средств его доставки.

Реакция США на превращение Японии в ближайшем будущем в сильную военную державу в Восточной Азии пока официально не озвучивается, и поэтому не известно, заинтересована ли Америка видеть в лице Японии «младшего брата» или США готовы иметь дело с полноценной военной державой в Восточноазиатском регионе, стратегические интересы которой не обязательно будут совпадать с американскими. Сегодня непросто представить себе последствия, которые могут иметь радикализация внешней политики Японии и ее ускоренная ремилитаризация на японо-американские отношения. Ведь американцы имеют свои интересы в регионе, далеко не всегда связанные с сильной, милитаризованной Японией. Да, сегодня между США и Японией существуют прочные стратегические связи, но если завтра Пекин заподозрит Америку в поощрении ремилитаризации Японии, то напряженность в американо-китайских отношениях сильно возрастет. Правда, нельзя исключать при этом того, что сильная в военном отношении Япония пойдет на заключение «Пакта безопасности» с Китаем с целью предотвратить эскалацию гонки вооружений в Восточной Азии. Нетрудно предположить, что реакция США на такой японо-китайский договор о безопасности будет резко негативной. Власти КНР со своей стороны прилагают усилия к тому, чтобы смягчить исторические противоречия с Японией, и последняя отвечает на это взаимностью. Так, например, в сентябре 2003 г. министр обороны КНР Као Гунчуань встречался с бывшим государственным министром, начальником Управления национальной обороны Японии Исиба. Это была первая такая встреча за многие годы. Тогда же было объявлено, что Япония впервые после 1949 г. примет в своих доках для ремонта китайский военный корабль¹⁸. В свою очередь, китайская сторона приняла с визитом дружбы эскадру японских военных кораблей.

Укрепление японо-китайского военного сотрудничества может быть воспринято в США как попытка обеих сторон ослабить американские стратегические позиции в Восточной Азии и на Тихом океа-

¹⁵ Санкэй симбун, 03.05.2003. Газета «Санкэй симбун» является трибуной японских националистических кругов, и ее ежедневный тираж составляет более 2 млн. экземпляров.

¹⁶ См.: Hughes Ch. Radicalism or retrenchment in Japan's security policy in Japan's Remilitarisation. The International Institute for Strategic Studies. L., 2009, с. 14–19.

¹⁷ Асахи симбун, 04.02.2003.

¹⁸ Йомиури симбун, 04.09.2003.

не, к чему Америка сегодня, похоже, еще не готова. Руководство КНДР, в свою очередь, может использовать процесс ремилитаризации Японии в качестве оправдания ускорения реализации своих ядерных и ракетных программ или их возобновления после короткого перерыва.

Очевидно, что США могут поддержать позицию тех националистически настроенных японских политиков, которые выступают за дальнейшее сближение с США. Однако США никогда не будут поддерживать те националистические силы в японском правящем истеблишменте, которые ориентированы на усиление военного потенциала страны в ущерб ослабления стратегической зависимости Японии от США. США не заинтересованы в усилении антиамериканских настроений в японском обществе, которые и без того подогреваются агрессивной политикой США в мире, а также сохранением американских военных баз на территории Японии.

Одним из негативных последствий проникновения националистических настроений в руководящие эшелоны Японии, на наш взгляд, является непрозрачность его истинных внешнеполитических интересов. Без понимания внешнеполитических интересов Токио невозможно уяснить, чего же в итоге хочет японская сторона в отношениях с США, Китаем, обоими корейскими государствами или Россией. Так, например, хотя внешне японское руководство и продолжает поддерживать гегемонистскую политику США в мире, многие в японских эшелонах власти начинают осознавать, что поведение Америки в системе международных отношений далеко не всегда коррелирует национальным интересам самой Японии. Японские националисты, например, нередко критикуют власти США за бездействие в отношении КНДР, представляющей для Японии наиболее реальную опасность, за нанесение экономического ущерба Японии через поддержание высоких мировых цен на нефть и другие энергоносители.

Сегодня японский национализм развивается на фоне активных действий международных антиамериканских террористических сил, а также в обстановке распространения ядерного оружия в Восточной Азии. С точки зрения российских интересов, можно было бы использовать рост националистических настроений в правящих кругах Японии и в обществе в целом в конструктивном направлении, т.е. поддержать стремление националистически настроенных японских политиков возродить страну как независимую от США мировую экономическую и технологическую сверхдержаву, как гаранта стабильности в Восточной Азии и на Тихом океане. Однако, очевидно, что российским интересам не отвечает превращение Японии в ядерную и сильную в военном отношении державу. В противном случае избежать серьезной дестабилизации в Восточной Азии в ближайшей перспективе будет крайне сложно.

Ярким свидетельством важности поддержания националистических настроений в японском об-

ществе на современном этапе, на наш взгляд, является активная политика властей по усилению военно-патриотического воспитания японской молодежи, по широкой пропаганде военных знаний среди молодых поколений японцев. Министерство обороны Японии, наряду с известным своим изданием под названием «Белая книга по обороне Японии» («Бозэй хакусё»), стало выпускать компактную версию справочника, предназначенную для менее подготовленного читателя и в основном ориентированного на молодежь. По замыслу составителей сборника, японские молодые люди должны иметь более глубокие представления о внешних «угрозах» безопасности Японии и о методах их предотвращения. По заказу министерства обороны с 2005 г. в Японии регулярно издается другой вариант «Белой книги по обороне Японии», на этот раз в виде комиксов — «манга», предназначенный в самой доступной форме знакомить японских школьников с проблемами национальной безопасности и военной политики страны. Специальные издания комиксов освещают также вопросы строительства современной японской системы ПРО¹⁹.

Удивляет изобретательность японских властей в области военно-патриотического воспитания молодежи. Дело даже не только в том, что власти ненавязчиво, «в деталях» знакомят ее с внешними «угрозами» безопасности, но и в том, что для этого они используют такие нестандартные формы, как комиксы-«манга», круг читателей которых в Японии в основном составляют лица дошкольного и школьного возраста. Так, в издании «Белой книги по обороне 2005 г.», вышедшей в формате «манга», главный герой представлен в виде маленького наивного и очень миролюбивого медвежонка, который с удивлением пытается осмыслить и понять угрозы, с которыми вынуждена сталкиваться Япония в начале XXI в., но, «осмыслив» их, сильно расстраивается. Он удивлен, что таких «угроз» для его страны слишком много. Но при этом он высказывает по тексту твердую уверенность в том, что безопасность Японии надежно защищена мощными силами самообороны, которые никогда не дадут его любимую родину в обиду²⁰.

В аналогичном издании министерства обороны Японии, вышедшем в 2007 г. и посвященном проблемам «развертывания национальной системы ПРО», два героя — мальчик и девочка «болеют» на стадионе за одну футбольную команду. Они наблюдают за игрой футболистов, но неожиданно переключают свое внимание на обсуждение темы возможной ракетной атаки на Японию со стороны ее ближайших соседей. Дети успокаивают друг друга тем, что Япония имеет современную ПРО и ей абсолютно нечего бояться. Тема ПРО и ракетных атак в издании

¹⁹ Hughes Ch Op. cit., с.129–130.

²⁰ Бозйтё. Манга — дэ ёму! Бозэй хакусё 2005. Токё: Дзайдан ходзин бозэй кёсайкай, 2005.

как бы незаметно переключается на игру футболистов на поле, на удары нападающих и защитников команд²¹. До 2005 г. министерство обороны Японии сотрудничало с издательствами по выпуску журнала «Сэкуритариян» («Безопасность»), предназначенного для популяризации деятельности Сил самообороны. Начиная с 2005 г. министерство обороны стало финансировать издание другого популярного журнала «Мамору» («Оборона»), стремясь расширить круг читателей, познакомить их с потенциальными угрозами безопасности и с методами, которые применяет государство в целях защиты безопасности своих граждан.

Заглавную роль в пропаганде знаний по военно-патриотическому воспитанию играет руководство министерства обороны, которое проявляет в этой области немало инициатив. Так, министр обороны Японии Сигэру Исиба (2008 г.) сам подготовил текст введения для Специального выпуска журнала «манга», посвященного вопросам национальной обороны. В нем он подробно описал апокалипсические сценарии ракетных и ядерных атак Северной Кореи на Японию, а также захват террористами самолета внутренних японских линий и его атаку на одну из японских АЭС²².

Как никогда в прошлом сегодня полки книжных магазинов крупных городов Японии заполнены литературой, посвященной подробному описанию «угроз» безопасности страны со стороны соседних государств. Авторы подобного рода литературы отнюдь не случайные. Многие из них — профессора университетов, отставные чиновники Управления национальной обороны Японии, известные политики. Все они авторитетно предупреждают широкого читателя о необходимости осознания опасности для безопасности Японии потенциальных внешних угроз и знакомят их с политикой властей по повышению национальной обороноспособности. Авторы сполна удовлетворяют запросы и специфической части читательской аудитории, так называемых «гундзи о-таку» (домохозяек, которые живо интересуются военными вопросами), которые «на кухне» активно обсуждают друг с другом возможные сценарии силовых столкновений Японии с Китаем или с КНДР. Всякий раз, успокаивая себя, они выражают надежду на сильную японскую армию, японский военный флот и авиацию, способных отразить любые атаки на страну с воздуха или с моря²³.

Сегодня японские власти не скрывают своей заинтересованности в развертывании самых широких

патриотических кампаний по распространению доступных массам знаний в области военного строительства и безопасности, подключая к этому академических специалистов, писателей, журналистов. При этом новым моментом в официальной политике властей в этой области является то, что многие ранее закрытые и секретные вопросы военного строительства и обороны сегодня открыты для широкой публики. Более того, власти рекомендуют использовать ранее секретные сведения для получения дополнительной информации о японской армии, о политике в области национальной безопасности, о важности нанесения упреждающих ударов по потенциальному противнику в целях безопасности.

Результативность работы в области военно-патриотического воспитания, по пропаганде военных знаний и военной политики находится в Японии на высоком уровне. Об этом, в частности, свидетельствуют результаты социологических опросов, которые однозначно показывают растущий интерес японцев к этим вопросам. Такой результат достигается не только путем знакомства общества с официально рекомендованной литературой и открытыми публикациями, но и организацией продуманной системы образования в военной области. Так, согласно суммарным результатам опроса за период с 1978 по 2006 г., общественный интерес к получению знаний в области военной политики, организации обороны и систем безопасности вырос в Японии более чем на 70%. Это значит, что властям в целом удалось к началу XXI в. сформировать в японском обществе консенсус по вопросам идеологического обеспечения своей внешней политики, получить поддержку подавляющего большинства населения на проведение более активной внешнеполитической стратегии, добиться одобрения на включение в школьные программы уроков военно-патриотической подготовки и уроков морали, которые были в довоенной Японии, но были исключены из школьной программы оккупационными властями США после войны²⁴.

Центральным местом военно-патриотического воспитания японской молодежи на современном этапе являются даже не столько военно-прикладные аспекты образования, сколько преподавание основ патриотической и националистической идеологии, разъяснение молодежи важности выполнения ими своего гражданского долга по защите Родины. В проекте поправок к Конституции, разработанных ЛДП в 2005 г., предлагалось внести дополнение относительно обязательств японских граждан «защищать Родину». Однако впоследствии эта поправка была смягчена формулировками «о вере японского народа в стремление всех народов мира жить в мире и дружбе друг с другом, развивать мирные отношения», правда, при этом оговаривалось, что «японс-

²¹ См.: Боэйтё, Манга-дэ вакару! Нихон — но боэй: дандо мисайру-кара Нихон-о мамору. Итоке: Дзидзи гаппо, 2007.

²² Сигэру Исиба. Кокубо. Токё, Синсёся, 2005, он же. Манга-дэ ёму кокубо нюмон. Токё, Аоба сьуппан, 2007.

²³ См.: Бэссацу Такарадзима. Дзидзитай визави Тюгокугун. Токё, Бэссацу Такарадзима, 2005; Бэссацу Такарадзима. Дзидзитай синсэдай хэйэки perfect book 2008. Токё, Бэссацу Такарадзима; Гото Норюки, Соно токи Дзидзитай ва Нихон-о мамору но ка? Токё, Футабася, 2008.

²⁴ Hughes Ch. Op. cit., с. 131.

кий народ должен сам обеспечивать свою безопасность и условия своего выживания»²⁵.

Усилия японских националистов во власти активизировать патриотическое воспитание молодежи продемонстрированы также в попытке пересмотреть в декабре 2006 г. «Основной закон об образовании». Закон был принят в 1947 г., т. е. в период американской оккупации Японии. Его составители преследовали цель проведения «демократических» преобразований в стране, ослабления Японии как центра силы и соперничества, а также ставили задачу демилитаризировать общественное сознание. Противники принятия закона 1947 г. из числа японских националистов критиковали тогда его содержание за откровенное навязывание японскому обществу американских ценностей, а также за отсутствие в законе норм обязательного патриотического воспитания японской молодежи, предполагающих в том числе участие японцев в церемонии поднятия национального флага и в исполнении национального гимна. После «холодной войны» японские консерваторы из ЛДП стали подробно обсуждать с оппозиционными партиями содержание понятия «патриотизм». Они предполагали включить в новый закон об образовании положение, в котором было бы прописано, что «японцы должны уважать японскую культуру и традиции, любить свою родину, которая их воспитала, и при этом уважать также традиции других стран и народов и содействовать укреплению мира во всем мире, активно участвуя в развитии международных связей»²⁶.

Активность японских националистов из ЛДП на ниве усиления патриотического воспитания молодежи внешне была в известной мере сбалансирована их же призывами развивать международное сотрудничество. Однако приоритетным направлением деятельности японских консерваторов на сегодня все-таки остается воспитание современного поколения японцев в духе патриотизма и национализма как идеологии, формирующей личность, готовящей молодое поколение японцев к выполнению ими своего долга перед государством, если последнее их об этом попросит. Такой подход к воспитанию японской молодежи кардинально отличается от политики всех послевоенных десятилетий в этой области, когда такие понятия, как «патриотизм», выполнение «долга перед государством» и т. п. категории идеологии государственного национализма, были просто запрещены для употребления под давлением американцев, требовавших вырвать с корнем любые попытки милитаризации массового сознания японцев. Сегодня, однако, складывается впечатление, что современные японские националисты не жалеют усилий для того, чтобы пересмотреть старый Закон об образовании 1947 г. и сформировать

новую законодательную базу для национал-патриотического воспитания японской молодежи²⁷.

И надо признать, что их старания в этом направлении превосходят даже действия националистов в довоенной Японии. Последние в своей деятельности по патриотическому воспитанию молодежи опирались на Императорский «Рескрипт о воспитании 1890 года», который содержал указание на то, что «подданные императора обязаны мужественно выполнять свой долг перед Родиной», но при этом ничего, правда, не говорилось «об обязанности каждого японца любить Родину». Императорский «Рескрипт о воспитании 1890 года» был отменен американцами в период оккупации Японии из-за опасений, что его сохранение способно реанимировать милитаристское сознание японцев, особенно японской молодежи. О такой категории, как «обязанность любить Родину», на время все забыли. Однако современные националисты в Японии стремятся реанимировать уже изрядно подзабытые патриотические понятия, ибо реалии развития Японии в начале XXI в. таковы, что страна, по меткому выражению Г. Маккормака, стала слишком «нервной, несчастной и находится в постоянно напряженных отношениях со всеми своими соседями по Восточной Азии», что объективно диктует властям задачу консолидации общества на националистической, патриотической основе²⁸.

Помимо планов по изменению ряда статей Конституции 1947 г. и внесения поправок в Закон об образовании 1947 г., в 1999 г. правительство внесло в парламент законопроект об утверждении национального флага «Хиномару» и национального гимна «Кимигаё» — как двух наиболее показательных символов довоенной японской идеологии государственного национализма. Усилия японских властей сегодня преследуют одну единственную цель — реанимировать на новой легальной основе японский патриотизм, а также попытаться реабилитировать политику государственного национализма, запрещенного американскими оккупационными силами в послевоенный период. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в современной Японии все более размытыми становятся грани между понятиями «здорового патриотизма», национализма и превращения страны в «нормальное государство».

Национализм в Японии может стать опасным тогда, когда националистические политики и общество придут к консенсусу в отношении легального и эффективного использования силы для обеспечения интересов национальной безопасности. Именно тогда окончательно произойдет замена послевоенной пацифистской парадигмы национального развития как совокупности фундаментальных представлений о мирной внешней политике и национальных

²⁵ Дзюминсюто, Синкэмпоуан, 28 октября 2005 <http://www.kenroukaigi.gr.jp/seitoutou/051028jimin-sinkenpousouan.pdf>.

²⁶ Кёнку кихон хоан, Синкё тайсё хёмокудзи/http://www.mext.go.jp/b_menu/houan/an/06042712/005.pdf.

²⁷ McCormack G. Client State: Japan in the American Embrace. Verso, 2007, с.140–142.

²⁸ Там же, с. 1.

интересах, консолидирующих на этой основе всю нацию, на новую, силовую. Факты развития Японии в первом десятилетии XXI в. свидетельствуют, впрочем, о том, что страна все еще не готова к переходу на силовую парадигму в своем развитии. Влиятельная часть правящего истеблишмента и часть общества с большой подозрительностью относятся к идее о конечной результативности силовой стратегии. Именно поэтому Япония продолжает с большим нежеланием, да и то под сильным давлением со стороны США, соглашаться на использование своих вооруженных сил в составе международных коалиций для решения стратегических задач глобального характера в интересах Америки.

Вместе с тем правящая элита Японии продолжает целеустремленно работать над укреплением национального оборонного потенциала, необходимого ей не столько даже для «отражения» внешней агрессии, сколько для укрепления позиций страны в военно-политическом союзе с США, а также ее международных позиций в новом мировом порядке. Токио готов вносить вклад в укрепление стратегического партнерства с США в рамках Договора безопасности. Сегодня японское общество поддерживает легитимность японской армии как структуры, отвечающей за обороноспособность страны. С момента окончания «холодной войны» заметно возросла роль Японии как союзника США в совместных операциях за рубежом, которые, впрочем, далеко не всегда отвечают национальным интересам безопасности самой Японии. Японская общественность сегодня убеждена в том, что объединение силового потенциала японской армии и потенциала японо — американского Договора безопасности являются наилучшим средством защиты национальных интересов страны. Уверенность в этом повысилась среди японцев с 40% в 1970 гг. до 80% — в 2006 г. Вместе с тем доверие общественности к возможностям японской армии самостоятельно защищать Японию в случае внешней агрессии, равно как и политика отказа от использования силы при разрешении международных споров (статья 9-я Конституции 1947 г.), не пользуется поддержкой большинства японцев²⁹.

Японское общественное мнение, добротное «обработанное» идеологией государственного национализма и патриотизма, заметно изменилось после «холодной войны» в пользу понимания важности в вопросах безопасности опоры на две составляющие: на национальный оборонный потенциал и на японо-американский военно-политический союз. Совершенствуя военно-технические возможности своего вооружения, а также расширяя географические зоны стратегической ответственности в регионе Восточной Азии и западной части Тихого океана, Япония, несмотря на возрастание рисков от проведения такой политики, целеустремленно

наращивает усилия именно по этим двум основным направлениям своей военной политики. В новых нестабильных условиях развития ситуации в Восточной Азии Япония проявляет заинтересованность в расширении границ зоны ответственности за сдерживание агрессии со стороны потенциального противника, что, в свою очередь, побуждает ее власти стремиться к размещению вооружений за пределами территории Японских островов.

Японии уже приходилось сталкиваться в начале XXI в. со случаями проникновения северокорейских разведывательных судов в национальные территориальные воды и использовать силу для их выдворения. Так, в марте 1999 г. по северокорейскому судну, проникшему в территориальные воды Японии, было произведено 35 предупредительных выстрелов со стороны японских ВМС, а самолеты береговой авиации Р-3 сбросили по кораблю четыре морские бомбы (по 150 кг) в качестве предупредительной меры. При этом важно отметить, что использование силы в качестве предупредительной меры по объекту противника в зоне ответственности японских сил самообороны было поддержано как широкой японской общественностью, так и министерством обороны, ибо гражданское руководство Морского Агентства безопасности, впоследствии переименованного в Береговую охрану Японии (Кайдзэ хоан тэ), в свою очередь, безуспешно пыталось остановить тогда нарушителя. В декабре 2001 г. вновь созданные военизированные подразделения береговой охраны пытались уже своими силами потопить северокорейское судно-нарушитель с 10 членами команды. Использование силы на поражение было применено Японией впервые после окончания Второй мировой войны. Но что самое примечательное — оно было широко поддержано миролюбивой японской общественностью, консолидировано выступившей в «защиту территориальной целостности родины».

Разумеется, использование японской стороной военной силы на поражение не следует переоценивать и тем более рассматривать этот факт как результат обработки общественного сознания идеологией национализма и патриотизма. Реакция японских военных была вполне адекватной угрозе вторжения в территориальные воды страны иностранного судна. Более того, приказ о применении огня на поражение был отдан Управлением береговой охраны, а не министерством обороны. Но, тем не менее, столь решительные действия японских властей в новых исторических условиях следует воспринимать как сигнал к возможному прорыву ее нормативных ограничений на использование военной силы в мирное время. Аналогичные примеры создают опасные прецеденты на возможное применение Японией военной силы в будущем, например при «освобождении незаконно оккупированных Россией Южно-Курильских островов».

Складывается впечатление, что активная националистическая и патриотическая пропаганда

²⁹ Op. cit., с. 134.

в Японии уже «приучила» японскую общественность поддерживать военные операции, конкретно предназначенные для «национальной обороны» с вынужденным использованием «наступательных действий» японской армии³⁰. Однако очевидно, что военная машина Японии, пригодная для ведения «обороны» и немедленного реагирования на угрозы национальной безопасности, все еще не приспособлена для ведения активных наступательных действий за национальными границами, для чего ей, как минимум, необходимы военные базы в других странах, включая и страны АТР. Поэтому японская общественность в целом благосклонно относится к участию сил самообороны в боевых операциях коалиционных сил, например в Афганистане в борьбе с международным терроризмом, но испытывает двойственные чувства в отношении участия японской армии в войне против Ирака, который не представлял прямой угрозы безопасности Японии, а США были просто заинтересованы в силовой замене нежелательного Америке режима Саддама Хусейна³¹.

Националистическая индоктринация массового сознания японского общества сегодня вышла на такой уровень развития, когда она может задавать тональность внешней и военной политике властей, либо поддерживая применение военной силы для защиты национальных интересов в случае наличия реальных угроз национальной безопасности или ущемления этих интересов, либо препятствуя властям в проведении таких действий. Японские политики вынуждены сегодня просчитывать наперед возможную реакцию общественности на участие японской армии в военных операциях, которые после «холодной войны» все чаще иницируются США в разных частях мира и в той или иной форме втягивают японскую армию в военные авантюры.

Но можно ли при этом утверждать, что японское общественное мнение может сегодня играть роль «тормоза» на пути обозначенного перехода японской внешней политики от послевоенного пацифизма к проведению активной, наступательной дипломатии по всем направлениям, прямо влиять на решения об использовании военной силы за рубежом, оказание военной поддержки армии США в ее агрессивных внешних операциях в мире. Представляется, что такой вывод был бы преждевременным. Общественность Японии может не поддержать участие сил самообороны в операциях за пределами страны, если они имеют агрессивную природу. Но даже если японская общественность не поддержит размещение частей японской армии за рубежом для участия в агрессивных войнах, она не будет возражать против организации таких войн силами США. В этом смысле поведение японской общественности заметно отличается от поведения части американского

или европейского общества, которое, как хорошо известно, не самоустраивается от критики военных операций США, активно протестуя против войны в Ираке, Афганистане, Ливии, Югославии и т. п., где Вашингтон использует силу для свержения законной власти.

Носители идеологии государственного национализма и патриотизма во власти и в обществе в Японии сегодня открыто поддерживают участие японской армии в военных операциях США в мире. Свою позицию они объясняют возросшей нестабильностью в системе международных отношений, а также серьезным снижением уровня эффективности ООН, и в частности, игнорированием ведущими странами — постоянными членами СБ ООН статей 11-й и 12-й Устава ООН, определяющих ее функции и полномочия³². Они видят в укреплении японо-американского военно-политического союза единственный залог национальной безопасности Японии. Японские националисты выступают в поддержку расширения военного союза с США и видят лишь минимальные риски вовлечения Японии в военные операции Америки за рубежом. Япония будет придерживаться такой позиции в отношении своего участия в японо-американском союзе до тех пор, пока будет существовать прямая угроза нападения на Японию извне.

Таким образом, японские националисты сознательно открывают дорогу для расширения границ японо-американского военно-политического союза, разрешая США не только применять военную силу в АТР, т. е. в зоне стратегических интересов самой Японии, но и втягивать ее в свои глобальные планы по формированию полностью подконтрольной им новой системы международных отношений. Японские националисты способствуют эрозии антивоенных нормативных принципов, основы которых были заложены в Конституции 1947 г. Националистическая пропаганда и военно-патриотическое воспитание добились того, что сегодня японская общественность открыто поддерживает ценности построения сильного, военизированного японского государства. Причем это происходит впервые за все послевоенные десятилетия. Требования к соблюдению 3-х неядерных принципов в Японии уже не являются столь непреодолимыми. Сегодня эти принципы размыты. В центре политической общенациональной повестки дня сегодня стоит вопрос о пересмотре мирной Конституции 1947 г. И такой вопрос будет решен положительно, как только власти Японии сочтут момент для этого наиболее подходящим. Однако сегодня японские политики озабочены решением более неотложных задач экономического и социального развития страны, особенно после стихийного бедствия марта 2011 г., но они не снимаются вовсе с повестки дня. Власти Японии будут продолжать наращивать усилия по совершенствова-

³⁰ См.: Midford P. Japanese Mass Opinion Toward the War on Terrorism. — Eldridge R.D., Midford P. (eds). Japanese Public Opinion and the War on Terrorism. N. Y., 2008, c. 15–18.

³¹ Там же, с. 32–35.

³² См. подробнее: <http://search.un.org/>

нию и углублению военно-патриотического воспитания общества, особенно молодежи, формировать ее активную жизненную позицию в вопросах «защиты национальных интересов» как применительно к территории собственно Японских островов, так и в контексте военного союза с США. И с этого пути Япония вряд ли сойдет в XXI в.

На российском направлении японский национализм в первую очередь опасен непрекращающейся эскалацией территориальных притязаний Японии к нашей стране в районе Южно-Курильских островов, и как следствие — втягиванием России в затратную гонку вооружений на Дальнем Востоке.

Подъем националистических и патриотических настроений в японском обществе в начале XXI в. обеспечил властям благоприятные условия для эскалации территориальных притязаний к России по возвращению Японии четырех островов Южно-Курильской гряды как «исконно японских территорий». Эти требования приняли особенно вызывающий характер в 2010–2011 гг., когда первые лица государства уже перестали «стесняться в выражениях» по поводу принадлежности этих островов Японии и их незаконной оккупации Россией. 7 февраля 2011 г. премьер-министр Японии Наото Кан, выступая на Общенациональном съезде за возвращение «северных территорий», назвал поездку президента России Дмитрия Медведева на Кунашир в ноябре 2010 г. как «непозволительную грубость в отношении Японии». Он поспешил заявить тогда, что «выразил свой жесткий протест президенту России по этому поводу»³³. Во время визита в Москву министра иностранных дел Японии С. Маэхары 11 февраля 2011 г. японская сторона вновь заявила, что «позиция России по островам для Японии неприемлема в принципе. Но если она изменится (читай: Россия отдаст Курилы Японии — М. К.), то Япония готова рассмотреть возможные темы для сотрудничества»³⁴.

Подъем националистического самосознания позволяет сегодня японской политической элите в лице первых лиц государства считать возможным и допустимым пересечь черту нормального политического диалога в отношениях с Россией. На националистической волне видные японские политики позволяют себе комментировать правомерность поездок руководства России по российской территории, они официально осуждают такие поездки и демонстрируют свою «несгибаемую» волю в притязаниях на чужие территории. Министр иностранных дел Японии Сэйдзи Маэхара, например, посчитал возможным

приехать в феврале 2011 г. на переговоры в Москву, предварительно публично озвучив ультимативные требования в адрес России о принципиальной неуступчивости Японии по главному вопросу переговоров — территориальном споре. В Москве он вел переговоры с позиции силы.

Японские националисты позволяют себе официально организовывать разнуданные кампании с требованиями к России незамедлительно вернуть Южные Курилы Японии. При этом власти страны не только щедро финансируют эти кампании, но и постоянно наращивают средства на эти цели. Об этом откровенно говорил министр иностранных дел РФ С. Лавров, отвечая на вопросы журналистов в феврале 2011 г.³⁵ В общенациональный «День северных территорий», проводимый в Японии каждый год 7 февраля, власти легко собирают под националистическими знаменами многотысячные митинги общественности с выдвижением требований к России вернуть «исконные и незаконно оккупированные» японские территории Южных Курил. В таких митингах традиционно принимают участие депутаты парламента и члены кабинета министров.

7 февраля 2011 г. националистические круги Японии организовали «День северных территорий» в особо вызывающем антироссийском ключе. Националисты из различных организаций и движений «за возвращение северных территорий», пользуясь щедрой финансовой и политической поддержкой правительства Японии, провели в одном из крупнейших токийских конференц-центров «Общенациональный митинг», на котором в недопустимой форме громко были озвучены притязания Японии на российские территории, законно и неоспоримо принадлежащие России. На этом митинге (всего за три дня до своей официальной поездки в Москву на переговоры 11 февраля 2011 г.) выступил министр иностранных дел Японии С. Маэхара. Он подчеркивал, что намерен посвятить свою политическую карьеру тому, чтобы «как можно скорее добиться возвращения исконных территорий Японии от России»³⁶. В тот же день радикально настроенные участники митинга явились к посольству РФ в Токио и осквернили российский флаг. Националисты порвали его и исписали антироссийскими лозунгами. Очевидно, что японские националисты намеревались как можно больнее ударить по национальной гордости россиян, и это им удалось, если судить по резкому тону заявления МИД РФ на эти события.

МИД России раскритиковал решение министерства образования Японии, которое в конце марта 2011 г. утвердило школьные учебники по истории с включением в текст формулировки о «незаконной оккупации Россией» Южно-Курильских островов. В заявлении МИД РФ по этому поводу подчеркивалось, что российское правительство «хотело бы

³³ Киодо цусин, 07.02.2011.

³⁴ См.: визит министра иностранных дел Японии С. Маэхары в Россию. Итоги встреч с министром иностранных дел РФ С.В. Лавровым и руководителем Администрации Президента РФ С.Е. Нарышкиным. <http://www.ru.emb-japan.go.jp/NEWS/NEWSRELEASE/2011/20110212Maehara-Lavrov.html>.

³⁵ <http://top.rbc.ru/politics/07/02/2011/539388.shtml>.

³⁶ Асахи симбун, 08.02.2011.

в очередной раз напомнить, что суверенитет России над указанными землями не подлежит сомнению и основан на итогах Второй мировой войны, закрепленных в международно-правовом плане в Крымском соглашении трех великих держав по вопросам Дальнего Востока от 11 февраля 1945 г., Потсдамской декларации от 26 июля 1945 г., Сан-франциском мирном договоре от 8 сентября 1951 г. и легитимизированной статьи 107-й Устава ООН. Остается лишь сожалеть по поводу того, в каком недружественном духе в Токио продолжают формировать у подрастающего поколения отношение к соседнему государству»³⁷.

У российской стороны вызывает также сожаление, что к националистическому хору японских реваншистов сегодня присоединились и представители академических кругов. Так, уважаемый и хорошо известный в России Президент Японского Форума по международным отношениям, профессор университета Цукуба Ито Кэнъити в марте 2011 г. опубликовал в журнале Японского исследовательского института Евразия статью, в которой четко дает понять, что «японцы должны последовательно отстаивать принципы закона и справедливости, занимая в этом вопросе бескомпромиссную позицию и не подчиняться никакому давлению». «Я приветствую позицию главы МИД Японии Маэхары, который говорил: “Кто бы и сколько бы должностных лиц не побывало там (на Южных Курилах), сколько бы они ни увеличивали там свое военное присутствие, правовая оценка состоит в том, что “Северные территории” являются территорией, исконно принадлежащей Японии, и она, эта оценка — остается без всякого изменения”». При этом Ито Кэнъити осуждает тех в японском обществе, кто демонстрирует «сознание безнадежности перед лицом властного, повелительного обращения с японцами», демонстрирует чувство признания установившихся фактов, проявляет покорность к запугиванию и шантажу. «Вот почему, — подчеркивает профессор Ито, — японцы должны поднимать шум... Мы не должны отказываться от собственных принципов и приспосабливаться к предъявляемым нам требованиям... Все должно сводиться к вопросу о том, удастся ли Японии отстоять суверенитет и принципы закона и справедливости... Если мы откажемся от островов, то результатом нашего отказа станет абсолютное отсутствие возвращения четырех островов. В противном случае, если мы будем твердо отстаивать свою позицию, то шанс на возвращение останется навсегда»³⁸.

На фоне подъема националистической волны в Японии новой и весьма опасной тенденцией в раз-

витии территориального спора Японии и России о принадлежности Южных Курил можно считать активное подключение властей США к японским требованиям о возвращении российских территорий их «исконным владельцам». 1 ноября 2010 г. пресс-секретарь Госдепа США Филипп Краули официально заявил: «...да, мы поддерживаем требования Японии к России»³⁹. Очевидно, что, подыгрывая японским националистам, американские власти решают свои геополитические задачи. Дело в том, что США остаются гарантом безопасности, а следовательно, и внешней политики Японии. Таким образом, за взрывом нынешней территориальной истерии в Японии к России в значительной степени стоят все те же геополитические интересы США в тихоокеанской зоне, а территориальные претензии служат лишь удобным инструментом. Другими словами, Япония играет роль типичного «мальчика-provokatora», рассчитывая на поддержку «Большого брата» за своей спиной. В рассматриваемой ситуации Россия имеет дело с тандемом, в котором «ведущий» партнер в лице США пытается достичь своих геополитических целей, а «ведомый» (Япония) — своих локальных целей.

Подталкивая японских националистов к усилению территориальных требований к России, США прежде всего рассчитывают ослабить рост экономического и военного присутствия и влияния России в АТР. Интересам Вашингтона не отвечает развитие топливно-энергетического комплекса на Сахалине, развитие Дальнего Востока, строительство трубопроводов в Китай, поездки президента и министров правительства России по региону, в частности, на Курильские острова, прямо указывающие на стремление России расширить свое присутствие в этом стратегически важном районе мира. В военном плане российскому Тихоокеанскому флоту (ТОФ) придан статус главной силы, которая получит большую часть новых кораблей и подводных лодок. Именно на ТОФ будут направлены перспективные французские вертолетоносцы типа «Мистраль». Кроме того, владение Курилами делает Охотское море внутренним морем России, что позволяет иметь здесь закрытые ракетные полигоны для баллистических ракет и базы подводных лодок. Россия, восстанавливая военное присутствие в регионе Дальнего Востока и Восточной Азии, а также в восточной части Тихого океана, естественным образом ограничивает стратегическое присутствие США и Японии в регионе. Поэтому США и их военный союзник Япония просто обязаны остановить продвижение РФ и исключить возможности дальнейшего ее военного усиления и нарушения здесь стратегического статус-кво. С другой стороны, потеря Россией даже одного острова Курильской гряды открывает доступ в Охотское море не только «мирным» японским рыбачкам, но и многочисленным боевым и разведыва-

³⁷ <http://top.rbc.ru/politics/04/04/2011/570337.shtml>.

³⁸ Ито Кэнъити. Северные территории. Не время пока принимать конкретные действия. Взгляд из Японии. Русско-говорящий опиньон-сайт Исследовательского института Евразия-21. 20.03.2011. — <http://www.eri-21.or.jp/russia/opinion/opinion/index.shtm>.

³⁹ <http://www.imperiya.by/politics1-9165.html>.

тельными средствами США, и «закупоривает» главную базу ТОФ во Владивостоке. Потеря же всех островов перекрывает все транспортные пути для российского экспорта и создает условия для экономической и морской блокады в случае ее необходимости.

В политическом плане уступка Россией даже одного острова Японии тут же выстраивает в длинную очередь других претендентов на якобы «исконно свои исторические земли», незаконно оккупированные нашей страной. Именно на это рассчитывает и Япония. Помимо прямого доступа к богатейшим природным ресурсам Охотского моря она получает взрыв «патриотических» претензий на другие российские территории, и можно не сомневаться, что следующим объектом притязаний может стать Сахалин и его шельф с запасами нефти и газа. Доступ к ресурсам, особенно к топливным, как воздух необходимы как США, так и Японии.

На что могут рассчитывать США и Япония в начатой ими националистической кампании за захват Курил? Ведь позиция России в этом вопросе озвучена президентом, а намерение Кремля укреплять границы в районе Южных Курил регулярно подтверждается визитами министров, включая и министра обороны. Что же все-таки дает Вашингтону и Токио надежду на то, что в итоге они сумеют «дожать» Россию в территориальном споре вокруг Южных Курил? Намек на ответ на этот вопрос содержится в статье газеты «Асахи симбун», которая была опубликована накануне визита главы японского МИД в Москву в феврале 2011 г. Обозреватель газеты подчеркивал, что «в 2011 г. в России стартует сезон большой политики — выборы в Госдуму в декабре, а весной 2012 г. — выборы президента. В этих условиях “малая” политика японского МИД может принести успех. Двусмысленные заявления некоторых российских политиков допускают возможность политической торговли в виде дележа четырех островов в разных пропорциях или в рамках совместного управления и развития, что является фактически размыванием и ослаблением российского суверенитета на спорные территории»⁴⁰.

К большому нашему сожалению, неоднозначность и непоследовательность позиции российского руководства в территориальном вопросе действительно может вселять некоторую надежду властям Японии и США на реализацию в конечном счете своих притязаний и целей. Накануне сезона выборов Россия демонстрирует твердость, но все может измениться после выборов, и Япония готова и дальше «размачивать твердую позицию Кремля», обещая инвестиции, взаимовыгодное сотрудничество... Ведь Кремль в конце концов тихо уступил российскую территорию Китаю ради «стратегического партнерства». Почему, рассуждают в Токио, и Японии не попробовать сделать то же самое? К тому же территориальные претензии Японии к нашей стра-

не «интернационализировались», и сегодня Токио получает политическую поддержку от США и даже от руководства Грузии, когда председатель временной комиссии парламента страны по вопросам восстановления территориальной целостности Грузии Шота Малашхия 11 февраля 2011 г. подтвердил, что грузинские депутаты проголосуют за признание Курильских островов территорией Японии.

Японские националисты с большой охотой принимают поддержку Грузии по оказанию политического давления на руководство России в решении территориального спора вокруг Южных Курил в пользу Японии. Парламент Грузии, заявляя о своем решении принять резолюцию об оккупации Россией Курильских островов, делает это в расчете, что депутаты японского парламента оплатят им той же монетой, т. е. примут ответную резолюцию по оккупации Россией грузинских территорий в Южной Осетии и Абхазии⁴¹. О сделке между «обиженными» Россией государствами (Японией и Грузией) 18 февраля 2011 г. официально заявлял упоминавшийся выше Шота Малашхия. Он детально обсуждал этот вопрос с послом Японии в Тбилиси Масаёси Комохарой и сообщил ему, что резолюция грузинского парламента о «русских оккупантах» будет аналогична той, которую ранее приняли парламента ряда европейских стран в отношении Абхазии и Южной Осетии и намерен принять Конгресс США. «С точки зрения оккупации территорий соседних государств сегодняшние власти России не менее виноваты, чем коммунистический режим, — заявил Малашхия. — Мы не раз делали заявление о правовой оценке преступлений, совершенных Советским Союзом. Поэтому оправдана постановка аналогичного вопроса об оккупированных территориях в отношении японских островов, что парламента Грузии сделает в самое ближайшее время»⁴². Глава парламентской комиссии ознакомил японского посла с подходом грузинской стороны к проблеме оккупированных территорий, а также рассказал об инициативе комиссии по созданию документальных фильмов на эту тему. И, как утверждал Малашхия, глава японской дипломатии заинтересовался проектом и заявил о желании японской стороны участвовать в нем.

Очевидно, что и Япония, и Грузия согласовали свои позиции в отношении уместности и своевременности оказания давления на Россию в территориальном вопросе с администрацией США, поскольку именно в феврале 2011 г. в американском посольстве в Москве сделали весьма неприятное для России политическое заявление: если ранее американское руководство открыто демонстрировало свою солидарность с Грузией по поводу «оккупации РФ» Абхазии и Южной Осетии, то на этот раз они официально признали суверенитет Японии

⁴¹ http://analitika.at.ua/news/japonija_i_gruzija_obedinilis_protiv_rossii/2011-02-18-40811

⁴² Там же.

⁴⁰ Асахи симбун. 10.02.2011.

над четырьмя южными островами Курильской гряды.

Япония оказывает Грузии содействие не только в предъявлении Кремлю требований о «незаконной оккупации Россией территории Абхазии и Южной Осетии». Как стало известно, например, в апреле 2011 г. Токио заявил о готовности предоставить «помощь» жителям Панкисского ущелья, где долгие годы скрываются боевики из Чечни. Как заявил глава администрации Ахметского района Коба Маисурадзе, японцы, несмотря на проблемы в собственной стране, продолжают оказывать нам материальную помощь. «Атташе посольства поговорил с местным населением и обещал помочь с ремонтом дороги, системой водоснабжения и берегоукреплением», — подчеркнул Маисурадзе⁴³. Характерно, что Токио заявлял о готовности помочь Грузии сразу после землетрясения и разрушительного цунами в Японии 11 марта 2011 г. Обещание экономической помощи жителям Панкисского ущелья — не первый случай, когда Токио оказывает прямую материальную поддержку Тбилиси. В конце 2010 г. сообщалось, что правительство Японии выделило 98 тыс. долл. «Союзу молодых педагогов» Грузии⁴⁴.

Попытки японских националистов «дожать» российское руководство в территориальном споре за Южные Курилы реально опасны для России и в том отношении, что Япония провокационно втягивает нас в гонку вооружений на Дальнем Востоке, чреватую как излишними финансовыми затратами, так и усилением напряженности в отношениях с соседними государствами региона. Нас упорно и последовательно подталкивают к нарушению сложившегося здесь на протяжении многих послевоенных десятилетий стратегического статус-кво, к дестабилизации ситуации, создавая о России представление как о стране, быстрыми темпами наращивающей силовой потенциал в регионе. В самом деле, уже в начале марта 2011 г. российские власти приняли решение о размещении крылатых ракет на спорных Южных Курильских островах, что стало ответом на антироссийские претензии Токио на эти территории. Москва тем самым подала сигнал японскому руководству о том, что будет пресекать любые попытки

силой решить территориальный вопрос в свою пользу, хотя надо признать, что такое развитие событий не очень согласуется со стремлением медведевской внешней политики к формированию «модернизационных альянсов» с Западом в целом и с Японией в частности, с его курсом на привлечение иностранных инвестиций и технологий для российской модернизации и инноваций. При этом Дмитрий Медведев не только принял решение самому посетить спорные территории на Южных Курилах, но также делегировал в этот район еще несколько высокопоставленных знаковых российских чиновников, включая министра обороны Анатолия Сердюкова и министра иностранных дел Сергея Лаврова. Все они, включая президента РФ Д. Медведева, в своих выступлениях в регионе говорили о необходимости массированного укрепления российского военного присутствия на островах.

Нельзя исключать, что в один прекрасный день Япония может избрать Курилы, слабо защищаемые Россией, в качестве легкой мишени для совершения акта агрессии, используя свой спор с Россией как «инструмент для переключения общественного внимания с внутренних проблем на борьбу против внешнего врага». Можно даже предположить, что Токио вольно или невольно как бы провоцирует Москву на демонстрацию последней своей настойчивости и упорства по «защите национальных интересов и достоинства России», побуждая ее решительно демонстрировать намерение до конца отстаивать территориальную целостность государства, наращивая при этом силовой потенциал.

Политика втягивания России в гонку вооружений на Дальнем Востоке предполагает искусственное создание японской стороной напряженной политической и стратегической атмосферы вокруг территориального спора по Южным Курилам. Из мировой истории хорошо известно о склонности Японии начинать вооруженные конфликты с неожиданного и хорошо продуманного нападения. Эту тактику страна использовала во всех войнах, которые она вела. Близость Японии к островам позволяет ей быстро доставить туда военные грузы и подкрепления для высадившегося морского десанта, одновременно обеспечивая ему массированную поддержку с воздуха посредством ударных вертолетов. Японские военные хорошо обучены, высоко мотивированы и националистически индоктринированы. Они обладают большим количеством самого современного оружия и оборудования. У них есть уникальные «многоцелевые ракеты типа 96» и системы НАТМ-6 на «хаммероподобных» шасси, которые могут быть доставлены на острова даже легкими средствами доставки. Они могут быть в равной степени эффективны как против танков, так и против артиллерии. Все это в сочетании с японским превосходством в воздухе и широким использованием точечного оружия может позволить Токио разгромить силы российской обороны на островах гораздо быстрее и проще,

⁴³ Между тем хорошо известно, что в течение последних нескольких лет Россия обвиняет Грузию в том, что Панкисское ущелье стало пристанищем боевиков из Чечни. Первые большие группы чеченских беженцев появились в Грузии в конце 1999 — в начале 2000 г. и поселились в селах Панкисского ущелья, где с конца XIX века проживали тысячи этнических чеченцев-кистинцев. Вместе с беженцами границу переходили и боевики, которые в течение ряда лет скрывались в Панкисском ущелье. Власти Грузии традиционно утверждали, что проблема боевиков в этом регионе якобы решена, однако Москва всякий раз давала понять, что не разделяет этой позиции Тбилиси. В частности, Рамзан Кадыров отмечал еще в 2004 г., что намерен провести в Панкисском ущелье операцию по ликвидации боевиков. Грузия высказывала тогда недовольство подобными заявлениями Кадырова. <http://www.rbcdaily.ru/2011/04/16/world/562949980079466>.

⁴⁴ Там же.

чем это могут представить себе в Генеральном штабе российской армии.

Правда, при всем при этом нелегко предположить самое главное — а именно то, что Япония сможет напасть на Россию. Однако российское военное планирование должно исходить из худшего из возможных сценариев. Действительно, близость островов к японским берегам делает задачу их обороны весьма и весьма сложной. Российскую защиту можно легко преодолеть в случае массированного нападения с проникновением в ночное время при помощи быстрых моторных катеров⁴⁵. Предлагаемые Кремлем меры по укреплению обороны Курил современными ракетами выводит дипломатическую риторику в практическую стадию военных приготовлений.

Хочется надеяться, что российское руководство готовится к таким шагам заранее и внимательнейшим образом планирует свои действия. Ракеты «Яхонт» имеют дальность полета в 200–300 км на сверхзвуковой скорости и могут достичь некоторых частей острова Хоккайдо. Система «Тор-М2» может выпускать одновременно четыре ракеты по четырем разным целям. Россия планирует также разместить на островах вертолеты Ми-28, которые способны нести противотанковые ракеты. Высокопоставленные российские военные намекают даже на то, что готовы разместить на Южных Курилах современные высокоэффективные системы противовоздушной обороны С-400 «Триумф»⁴⁶.

Ужесточение силовой политики со стороны российского руководства на японском направлении нашло свое отражение в заявлении министерства иностранных дел в Москве от 6 февраля 2011 г. В нем, в частности, подчеркивалось, что Япония должна придерживаться «трезвого и сбалансированного подхода к реальности». «Мы надеемся, что объективная территориальная действительность, выработанная после Второй мировой войны и закрепленная в Уставе ООН, будет преобладать в Токио. Прекращение искусственного акцентирования внимания на “островном” вопросе поможет создать спокойную и конструктивную атмосферу для японско-российского диалога», — было отмечено в заявлении российского МИД⁴⁷.

Однако японские националисты мало прислушиваются к подобного рода заявлениям российской

стороны. Они провоцируют на создание напряженности в треугольнике отношений Китай — Россия — Япония. Россия, как известно, предложила сотрудничество Китаю в деле развития Курил. Однако в Пекине отдают себе отчет в том, что кто бы ни согласился инвестировать в развитие Курил, он будет вынужден принять на себя большую степень долгосрочного риска — потерять дружбу Японии, а также быть готовым столкнуться с краткосрочным риском санкций со стороны Токио. Китай может принять решения вступить в этот альянс, используя инвестиции как геополитическую разменную монету, как средство, чтобы еще глубже вбить клин между Россией и Японией, обеспечив тем самым сближение с Москвой в ущерб отношений с Токио. В китайских комментариях решительные действия российских политиков в отношении Курил в конце 2010 г. оценивались как «решающий момент российской стратегии для всего Дальнего Востока и для Азиатско-Тихоокеанского региона в целом». Редактор People's Daily в статье для Global Ties практически сигнализировал о том, что Пекин будет с крайней осторожностью относиться к вопросу, который может вовлечь его в политическую ловушку. Геополитическую составляющую действий России суммировало Информационное Агентство Синьхуа: «Курильские острова расположены в ключевом месте в географическом плане, там они обеспечивают безопасность выхода в Тихий океан для российского Тихоокеанского флота. Если четыре острова получит назад Япония и вместе с США будет использовать их как естественный барьер, российский Тихоокеанский флот окажется отрезанным от Тихого океана и может столкнуться с прямой военной угрозой со стороны вышеназванных двух стран... это также может означать, что соседняя Камчатка и регион Сахалина, оба стратегически важные для России в плане возможностей отвечать на атаки, также окажутся незащищенными. Очевидно, что все это, вместе взятое, только осложнит ситуацию в регионе»⁴⁸.

Новая «реальная политика» в системе международных отношений XXI в. в Восточной Азии и на Тихом океане требует от России научиться заранее обеспечивать себе преимущества в регионе, дабы не быть застигнутой врасплох или, по крайней мере, не увеличивать свои потери. В конце февраля 2011 г. Кремль представил план перевооружения российской армии на 650 млрд. долл. до 2020 г., который включает получение флотом и ВВС 20 новых субмарин, в том числе восьми атомных, и более чем шестисот самолетов, ста новых кораблей и тысячи вертолетов⁴⁹. «Основная задача — модернизация наших вооруженных сил — заявил замминистра обороны Владимир Поповкин, — отказаться

⁴⁵ У России на островах размещен небольшой воинский контингент численностью в 3,5 тысячи военнослужащих, уровень вооружений которых слабый. Ближайшие аэродромы с боевыми самолетами расположены на Сахалине и на Камчатке, и в случае конфликта любой интенсивности у Японии будет превосходство в воздухе. Российская военно-оперативная мысль направлена на то, что, несколько укрепив оборону островов крылатыми ракетами, можно будет выиграть время на подготовку контратаки, предусмотрев крупномасштабную высадку подкреплений, а также разработку жизнеспособной оборонительной системы, позволяющей осуществить воздушный и ракетный удар по всей территории Японии.

⁴⁶ <http://inosmi.ru/russia/20110308/167172196.html>.

⁴⁷ <http://www.rosbalt.ru/main/2011/02/08/817172.html>.

⁴⁸ http://www.raspp.ru/asia-news/vstrecha_lavrov-mae_hara_usugubila_problemu_yuzhnyh_kuril

⁴⁹ Каковы основные плюсы и минусы будущей реформы армии РФ? — <http://www.liveinternet.ru/users/maslov-fx/post154458587/>

от покупки иностранного вооружения или военного оборудования. Наша новая стратегия отдельно предназначена для возрождения морских возможностей советских времен и для создания системы противоракетной обороны нового поколения, которая придет на замену комплексам С-300⁵⁰.

Благодаря политике «перезагрузки» с президентом США Бараком Обамой и, в частности, сближения позиций по вопросу противоракетной обороны, Москва рассчитывает получить передышку и возможность переключить свое внимание на беспокойный Дальний Восток. Действия России, начиная с визита Дмитрия Медведева на Курилы и заканчивая нынешними планами перевооружения, показывают, что одна из важнейших стратегических целей страны — восстановить наши стратегические позиции в Азиатско — Тихоокеанском регионе, разрушенные и утерянные в 1990 гг. И если Россия усилит свои военно-воздушные и военно-морские возможности на Южных Курилах и расширит Тихоокеанский флот, укрепив его возможности в области проведения морских атак, вооруженные силы на островах будут способны действовать заодно с военной базой во Владивостоке и на Камчатском полуострове. А это, в свою очередь, определенно повлияет на уровень безопасности соседних стран, и в итоге — интенсифицирует гонку вооружений с их стороны в Северо-Восточной Азии⁵¹.

Японские националисты побуждают Россию демонстрировать свою боеготовность, которую некоторые страны воспринимают как «бряцание оружием». В июле 2010 г. Министерство обороны РФ провело беспрецедентные по своим масштабам оперативно-стратегические учения «Восток-2010». В учениях были задействованы войска трех военных округов: Дальневосточного, Сибирского и Приволжско-Уральского, а также силы Тихоокеанского и Черноморского флотов. Всего в маневрах участвовало 25 тысяч военнослужащих, более двух тысяч единиц военной техники, 70 боевых самолетов и вертолетов, 30 кораблей⁵². Показательно, что по одной из легенд учений войскам ставилась задача отразить нападение «регулярных вооруженных сил противника, которые имеют в своем распоряжении ракеты, самолеты, подводные лодки и надводные корабли». На многих аналогичных предыдущих учениях российская армия, правда по легенде, вела «борьбу с террористами или на худой конец — с крупными формированиями сепаратистов».

Однако на учениях «Восток-2010» ставились несколько иные боевые задачи. Во-первых, надо было продемонстрировать иностранным наблюдателям боеспособность российской армии и возможности

«проецировать силу» на большие расстояния. Иными словами, показать, что российская армия может быстро перебрасывать войска к самым дальним границам нашей необъятной Родины. Для доказательства были проведены две важные операции: три десятка фронтовых бомбардировщиков Су-24, истребителей-бомбардировщиков Су-34 пролетели из центральных районов страны на Дальний Восток без посадки, с несколькими дозаправками в воздухе. Кроме того, из Екатеринбурга в Приморье была перебазирована целая мотострелковая бригада СибВО. Бригада летела налегке, без тяжелого вооружения. Танки, БМП, артиллерию она получила уже на месте на базе хранения. Это была первая попытка такого рода переброски. Сегодня в Генштабе всерьез рассматривают возможность обеспечения безопасности страны за счет быстрой переброски войск в район вероятного конфликта, не пытаясь, как прежде, дислоцировать войска по всей территории страны. Если так, то теряют всякий смысл разговоры о том, что России из-за ее гигантской территории нужна миллионная армия.

Японские националисты своими провокационными действиями в отношении территориальных притязаний к России стремятся втянуть нас в «большую игру» в Восточной Азии, предлагая нам, по совету своего стратегического союзника, обновленный вариант «звездных войн» 1980 гг., который серьезным образом надорвал советскую экономику и фактически привел к капитуляции СССР в «холодной войне». Россию пытаются вписать в «большую политику», которая при ближайшем рассмотрении оказывается продолжением борьбы за новый передел мира. Россия, кажется, этому не противится. Ее сотрудничество с США в Афганистане, поддержка США при голосовании в СБ ООН и даже невинная реакция МИД РФ на заход противоракетного американского крейсера «Монтеррей», одной из ударных единиц европейского сегмента глобальной американской системы ПРО, оборудованного противоракетной системой Aegis, в российские территориальные воды в Черном море 12 июня 2011 г., а также другие совместные выступления вовлекают нас в большую американскую игру.

Сегодня очевидно одно — США и их союзники запустили серию новых проектов, которые, как говорил в 2008 г. президент Б. Обама и как сказано в новой военной стратегии США, должны обеспечить Америке благоприятные условия для «более совершенного лидерства в мире». В настоящий момент можно с уверенностью констатировать, что определенную роль в этой стратегии американцы отводят Японии, подталкивая Токио решить территориальный вопрос о принадлежности Южных Курил в свою пользу и ослабить тем самым стратегические позиции России на Дальнем Востоке и на Тихом океане.

⁵⁰ Первый замминистра обороны РФ Владимир Поповкин: Подробности программы перевооружения армии — <http://sbelovskiy.livejournal.com/81065.html>.

⁵¹ <http://inosmi.ru/russia/20110308/167172196.html>.

⁵² <http://www.ej.ru/?a=note&id=10234>.